

Литературная газета

ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА
СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР и РСФСР.

№ 16 (331)

12 ФЕВРАЛЯ 1934 года

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ

XVII

№ XVII съезд ВКП(б) 10 февраля закончил свою работу. Встреченные бурными аплодисментами, т. Молотов и Каганович Л. М. доложили о поправках, внесенных в проекты резолюций о плане второй пятилетки, по организационным вопросам и в устав партии. Съезд единогласно утвердил резолюции с поправками.

Тов. Затонский оглашает результаты выборов руководящих органов партии.

Тов. Калинин произносит заключительную речь. — «Товарищи, в лице XVII съезда наша партия приветствует своего вождя товарища Сталина. Эти последние слова рачи покрываются бурными аплодисментами. Делегаты поют «Интернационал».

10 февраля состоялся пленум вновь избранного ЦК ВКП(б).

XVII СЪЕЗД ВКП(б) ЗАКОНЧИЛ СВОЮ РАБОТУ

ВПЕРЕД, К НОВЫМ ПОБЕДАМ!

XVII съезд партии закончил свою работу. Пятнадцать дней, в течение которых заседали съезд, были для всей страны напряженным ощущением исторических побед, одержанных партией в борьбе за социализм, днями великой гордости за наш рабочий класс, который создал такую партию, за генералом вождя партии, чье имя стало символом борьбы и побед для всего угнетенного человечества — СТАЛИНА.

Яркая, солнечная знь социализма, во всей ее многогранности и красоте предстала за трибуной партийного съезда перед каждым строителем нового общества. А какие широкие горизонты открывает наше завтра! На XVII съезде разработана захватывающая великая и вместе с тем совершенно точная и реальная программа дальнейшего продвижения вперед, программа второй пятилетки, основной политической задачей которой является окончательная ликвидация капиталистических элементов и классов вообще и превращение страны в социалистическую страну в хозяйстве СССР. В валовой продукции крупной промышленности и сельского хозяйства, во всех посеянных полях, в коллективизированных крестьянских хозяйствах, в розничном товарообороте и народном доходе СССР для определения этого великого веса в 1937 г. будет существовать только одна цифра — 100 ПРОЦЕНТОВ! Это значит, что к концу второй пятилетки у нас останется один общественно-экономический уклад — социалистический... Это значит, что «наша страна, осуществив задачи второй пятилетки, становится монолитной социалистической республикой».

Дело ЛЕНИНА и СТАЛИНА победило и побеждает! — такой исторический итог XVII съезда большевистской партии. Но, подвела этот итог, партия не только не успокаивается на достигнутом, но и требует дальнейшего подема качества всей работы, еще большей ответственности, еще лучшей организации, еще большей классовой бдительности.

На съезде партии были подвергнуты беспощадной критике недостатки качества работы. Съезд вырабатывает программу устранения этих недостатков и перестройки партийного, советского, хозяйственно-го руководства на основе тех задач, которые выдвинуты новым этапом революции.

По-деловому, по-сталински, по-большевистски, засучив рукава, нужно немедленно ввязаться за реализацию программы, намеченной съездом, за реализацию положений и указаний доклада т. СТАЛИНА, доклада, который являлся большевистской программой работы для всей страны.

Партия всегда, повседневно, занимается и занимается вопросами литературы, руководит ею. У СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ НЕТ БОЛЬШЕГО И ЗАБОЛЮВАННОГО ДРУГА И УЧИТЕЛЯ, ЧЕМ т. СТАЛИН. На XVII съезде, — съезде, решившем исторические задачи построения бесклассового общества, — также было уделено значительное внимание литературе. Съезд заслушал два выступления по литературным вопросам: т. ЮДИНА и ПАНФЕРОВА. С исторической трибуны партийного съезда говорилось о недостатках и достижениях советской литературы. Съезд лучших людей страны и всего трудящегося человечества с большим вниманием слушал о производственной работе советских писателей, в том числе и о таких вопросах, как вопрос об языке нашей литературы. Так вот большевистский стиль работы!

Десятки и сотни новых высокохудожественных произведений ждет партия от советских писателей в ответ на это внимание. Тов. СТАЛИН говорил писателям, что от них требуется прежде всего: отразить правду жизни, отразить правду нашей действительности. Это требование остается в полной силе и сейчас. Но это требование с каждым днем становится все более сложным, так как с каждым днем все более величественной становится наша действительность, все более замечательные дела происходят в нашей стране, все более героические примеры творчества показываются миллионами строителей социализма.

Каждый советский писатель должен суметь подняться на ту историческую высоту, на которую поставил съезд все вопросы нашей работы. Нужно суметь охватить все многообразие задач и величие дел, которые предстоят нам во второй пятилетке. Нужно суметь написать о них так, чтобы это было интересно и важно для миллионов строителей бесклассового общества, для тех сотен тысяч и миллионов новых коммунистических организаторов, которые выросли в нашей стране и будут расти дальше, для того нового высококультурного читателя, который уже существует в нашей стране и который будет основным типом читателя во второй пятилетке.

Надо отчетливо представить себе картину культурного подема, о котором говорилось в докладе т. СТАЛИНА, МОЛОТОВА и КУЙБИШЕВА. Десятки новых социалистических городов, создание мощных промышленных и культурных центров там, где еще несколько лет назад, а в некоторых случаях и сейчас, — горы и степь, небывалый подъем в различных районах нашей страны, хозяйственная и культурная социалистическая реконструкция национальных областей и республик, все это внесет много нового в характер литературного движения. И не только потому, что будут созданы новые литературные центры, не уступающие по своему значению старым. Основное заключается в том, что потребуются качественно и несравненно большая культурная и творческий багаж для того, чтобы удовлетворить все возрастающие требования читателя. А каков будет этот читатель второй

XVII СЪЕЗД ПАРТИИ ЗАРЯДИЛ ОГРОМНОЙ РАДОСТЬЮ, ЖАЖДОЙ ТВОРЧЕСТВА, ВОЛНУЮЩИМИ ТЕМАМИ СОВЕТСКОЕ ПИСАТЕЛЬСТВО

Л. СОБОЛЕВ
ДВЕ МЫСЛИ, РОЖДЕННЫЕ ВО МНЕ XVII СЪЕЗДОМ ПАРТИИ.

Вот две неотступные мысли, рожденные во мне XVII съездом партии.

Первая — о будущем, которое трогаете руками. Никогда еще не видели мы с такой реальной осязаемостью своего будущего. Съезд победителей говорил с великодушием трибуны законченного фундамента социалистического строительства. Последние три года суммировались в огромный итог, повинуясь закону воспроизводства большевистских побед, который был открыт Сталиным, так же как был установлен Марксом и Лениным закон воспроизводства капиталистических противоречий. И в его ровном, могучем свете ясна как никогда дорога, по которой ведет нас коммунистическое общество партия, на которую зовет она трудящихся всего мира. Вторая — о прошлом. Капитализм, прививший смерть еще существовавшим столетиями, вынужден теперь мнить его наши счетом — пятилетиями. И чем ближе мы к коммунизму, тем вероятнее последняя безнадежная попытка старого мира вернуть себе власть над планетой.

В этом двойном ощущении — близости последней схватки со старым миром и близости нашей победы — я работаю в литературном цеху строителей социализма, чтобы своим книгам помочь единственной в мире партии — творцу близкого будущего.

Вс. ИВАНОВ
НЕУДЕРЖИМАЯ ГОРДОСТЬ И СМЕЛОСТЬ НАПОЛНЯЕТ НАС

XVII съезд ВКП(б), съезд величайших завоеваний, съезд непреодолимой воли к созданию нового бесклассового общества, гениальная речь И. Сталина, удивительная радость творчества, звучащая в словах всех делегатов, и радость всей страны, приветствовавшей этот съезд, радость всех трудящихся, все это наполняет неудержимой гордостью и смелостью нас, современников этой замечательной жизни в этой замечательной стране. С возвращением почти детским раскрывали мы газеты, негодовали на почтальонов, которые поздно проходили мимо наших окон к джериам. Почтальоны держали охапки газет в руках. На улице, во дворе, оставались те, которые еще не успели увидеть газету — и улыбающийся почтальон давал им просмотреть эти пылающие листы и сам заглядывая и сам радовался. Мы завидовали этому почтальону. Мы завидовали самим себе, этому вождю, с которым торжество просматривали столбцы, — это была хорошая добрая зависть. Мы откладывали газету, возвращались к ней вновь, переспрашивая себя: неужели мы являемся свидетелями и участниками того, что сделано и что будет сделано. Приходили друзья. Мы спорили, обсуждали. Мы как-то необычайно много чувствовали молодость, творческую удивительную молодость нашей страны: вот она стоит рядом с нами и — нас! Стоит и широко открытыми глазами смотрит на созданное ею. Не беда, что многие из этих молодых седе — и тем не менее они останутся молодыми на долгие, долгие века. Мы шли по улицам нашей столицы. Морозы кончились. Под ногами мягкий, почти весенний, снег. Кремль резко поднимается из снегов. С какими восторгом и любовью мы смотрели на его, странные стены. «Какая широкая и громадная жизнь, как много сделано, много и хорошо», — думали мы.

Вчера я был на параде. Из дождя снега на Красную площадь шли воиска. Их встречали оркестры. Затем двинулись машины, нескончаемые потоки машин. В этом железном и уверенном беге встали перед нами наши великие границы, их защитники, их победители. Пушки коммунисты шли перед нами, пушки, защищающие новое человечество! Низенькая седая работница в серой шапке, стоящая рядом со мной, друг громко сказала: — И неужели же это наше? — В голосе ее было столько восторженной, столько радости, что всколыхнуло во мне что-то не меньшее, чем этот поток танков и эти серовато-голубые очи прожекторов. С нежностью неопишуемой я взглянула на нее. Она не поняла меня. Вернее, она не смотрела на меня, но почувствовала чей-то упорный взгляд, объяснила: — Даже жарко! — Именно, жарко. Жарко от этой радости, от этого счастья жить и участвовать в борьбе за эпоху социализма на всей нашей великопленетной земле со всеми ее океанами и материками.

ВАЛЕРИЯ ТЕРАСИМОВА
ЗА КАЧЕСТВО!

XVII партсъезд был под знаком той величайшей исторической работы, которую под руководством т. Сталина, под руководством ЦК проделала партия, проделала страна... Партия одержала победы на всех решающих участках борьбы, партия добилась того, что среди будущих экономических потрясений и военно-политических катастроф СССР стоит отдельно, как утес, продолжая свое дело социалистического строительства и борьбы за сохранение мира (Сталин, отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б)).

И действительно никогда еще страна не достигала такой мощи, никогда еще партия не была так крепка и едина, как сейчас.

Вместе с тем съезд намечает перспективы дальнейшего развития, пути дальнейшей борьбы. Огромная трудовая перспектива открывается перед любым участником социалистического строительства, — несомненно, и перед работником литературы.

Отобразить все то, что безвозвратно изменило лицо «избяной» России, отобразить борцов и участников этого превращения — вот задача, которая стоит перед писателем нашей страны. Вместе с тем решительная борьба за то, чтобы так называемый «материал», над которым работает писатель, находился бы достойно, чтобы отображение, борьба за преодоление канцелярских отставаний нашей литературы, — вот то, к чему должны направляться усилия писателя. Углубленный подход к теме, углубленный анализ участников строительства, — именно поднята на высоту темы больших идейных обобщений.

Отказ от полуживого бытовщательства, с одной стороны, и от литературного бесплодного «трюкачества», с другой, — вот что должно повысить качество нашей литературы, литературы, которая призвана запечатлеть черты величайшей эпохи.

Л. НИКУЛИН
ЦЕЛОЕ И ДЕТАЛИ

Работник литературного труда, писатель иногда напоминает человека, рассматривающего жизнь сквозь увеличительное стекло. Дрожь, выходящее стекло приближает к нему детали, увеличивает и приближает шероховатости, бугры и царапины. При этом общий фон, вся огромная панорама фактов отступает во мгла и теряется вдали, на втором плане.

Все это длится до тех пор, пока мощная рука не поставит тебя на возвышенности так, чтобы твои глаза могли охватить все гигантское, неизмеримое, целое, а к его деталям.

Такое чувство охвата целого, охвата всего горизонта идей, фактов, причин, следствий я ощутил в то утро, когда читал речь т. Сталина на съезде партии.

«Стало видно далеко во все концы света», — сказано у Голея. Глазу открывается самая короткая и самая прямая дорога к социализму.

Мысль писателя уже не в плену у деталей, она поднимается на высоты, как бы соприкасаясь гениальными мыслями вождя партии и пролетариата.

Встречи с делегатами РАСЦВЕТ НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

Грамотные люди в Мордовской автономной области до революции насчитывались единицами. Сейчас процент грамотных возрос до 92. Во многих колхозах — а их в Мордовии 1400 — нет дома, где не читали бы газету (за один только последний год тиражи печати повысились в несколько раз). Школа была предметом мечтаний. Сейчас идет широкая охватывающая сеть вузов, 17 техникумов, совпартшкол, научных учреждений и т. д. Ведется колоссальная работа по разработке грамматики, по унификации орфографии, работает целая армия разведчиков естественных богатств страны. Быстро идет на убыль влияние духовенства, отмирают религиозные традиции.

Единственной литературой на мордовском языке до революции были... евангелие и молитвенник! Других видов литературы не существовало.

До 1932 г. сильно тормозили развитие мордовской литературы «старые» и методы руководства РАПН последнего периода. 23 апреля явился зоркий в истории развития этой молодой литературы человек — начался расцвет. Достаточно указать, что за 10 лет до 1932 г. было издано всего лишь 16 книг на обоих мордовских наречиях (эрзянском и мокшанском), а в течение одного только периода 1932—33 г.г. вышло 65 книг.

Четко выявились творческие лица некоторых художников (Чесноков, Еналов, Рапанов, Иркаев и др.). Появился мордовский роман, заметно крепнет поэтический фронт, на котором дают себя чувствовать самые различные влияния русской поэзии — от Бельмонте до Баткинского. Выходит два литературных журнала, а с 1934 г. будет регулярно издаваться «Литературный альманах» — три раза в год.

Впервые появились также на мордовском языке произведения Горького, Серафимовича, Маяковского; закончен недавно перевод «Полной целины» и многих других крупнейших произведений советской литературы.

Все эти факты, сообщенные секретарем обкома ВКП(б) Мордовской автономной области тов. Галтаном и одним из представителей руководства Мордовского Оргкомитета тов. Кирилловым, вызвали оживленный обмен мнений.

Тов. Галтан просит Оргкомитет также помочь скорейшему изданию на русском языке лучших произведений мордовской литературы. Это окажется хорошим стимулом для дальнейшей работы молодых, талантливых писателей. Кроме того, необходимо организовать в Москве творческий вечер мордовских писателей — это тем более целесообразно, что в Москве проживает свыше 6.000 мордовских рабочих.

10 февраля в Оргкомитете состоялась встреча советских писателей с делегатами XVII партийного съезда от Республики немцев Поволжья.

Председатель Совнаркома Непререспублики тов. Фукс развернул перед собравшимися картину социалистического строительства России. Каждая деталь ее могла бы явиться лучшим ответом фашистским клеветникам, желающим на баснях о «жизне-бытье» советских немцев нажить политический «капитал».

Венгерский писатель тов. Барта, тов. Гунптер (НИКП литературы), тов. Фришбуtter (редактор «Дейч Централь Цейтунг») и другие, присутствовавшие на встрече, рассказали об огромных достижениях, которые имеются также на фронте немецкой литературы в СССР.

На расширенном пленуме Оргкомитета Непререспублики, созванном в конце февраля и на предстоящей всесоюзной конференции немецких писателей, эти вопросы будут поставлены со всей четкостью и получат свое разрешение.

Тов. Фукс заверил собравшихся писателей в том, что правительство Непререспублики самым внимательным образом отнесется к решениям конференции и всячески поможет претворить их в жизнь.

9 января в Оргкомитете ССР состоялась встреча писателей с Северо-Кавказской делегацией XVII съезда партии. На встрече участвовали тт. Мамеубеков (пред. Совнаркома Дагестана), Евдокимов (первый секретарь крайкома партии).

О „КОРЯВОМ МУЖИЧЬЕЙ СИЛЕ“

КОРЕННОЕ — глубокое и всестороннее — обсуждение основных вех, ведущих, прояснение основных литературных и научных вытекающих отсюда творческих и теоретических вопросов является сейчас делом исключительной остроты и важности. Творческая дискуссия может быть шире и глубже, поставит проблему социалистического реализма, уточнит позиции различных творческих направлений, существующих в пределах советской литературы, советского искусства вообще. И делом вполне закономерным является то, что основой для одной из таких дискуссий явились «Бруски» Ф. Панферова, так как в числе появившихся за последние годы произведений пролетарской литературы «Бруски» безусловно являются ценнейшим вкладом в сокровищницу советской литературы.

Ф. Панферов правдиво, на основе социалистического реализма, изображает сегодняшнюю героиню пролетарской революции, он показывает пути и перспективы социальной передельи нашей деревни. При этом великолепное знание деревни, психологии перестраивающегося крестьянина, всего сложного передела классовых сил реконструирующей деревни, умение по-большевистски понять принципы и законы ее развития особенно выделяют г. Панферова в ряду советских писателей.

Но означено ли это, что творчество Фанферова совершенно лишено недостатков, что ему не надо совершенствоваться, что он должен застыть на достигнутых успехах? Конечно, нет. Чем талантливее Панферов, чем большую познавательную и организующую ценность имеют его произведения для революции, тем важнее для нас его продвижение вперед и освобождение его творчества от ряда слабых сторон. В этом отношении вопросы, поднятые как при обсуждении «Брусков», организованном недавно ГИХЛ, так и вокруг этого обсуждения, — за-

служивают, по нашему мнению, пристальному вниманию.

И прежде всего мы обращаем внимание на статью А. М. Горького, помещенную в «Литературной газете» 28 января. Основной тезис этой статьи, целиком разделяемый редакцией, сводится к решительному предупреждению против «засорения русского литературного языка ненужными «мелкими» реченками и вообще словесной «шелухой» и против произволизма «кружков» писателей поощрения литературного брака. В своей статье Алексей Максимович как непревзойденный борется за ленинскую линию в языке. Известно, что Ленин упорно боролся против порчи русского языка, настойчиво призывая «собрать войну коверканью русского языка». И это потому, что борьба за чистоту языка имеет не только стилистическое, но и политическое значение. Произвольное словоупотребление, игнорирование синтаксиса и т. п. затеивают мысль писателя, способствуют контрабандному протаскиванию всякого вздора, неправильных, вредных положений, обуславливают разнузданность мышления. Вот почему неправильно противопоставлять литературный язык наших классиков какому-то произвольному новому языку, языку революции.

Язык революции не упал с неба, отвергнув и уничтожив существовавший до революции русский язык. Революция внесла в непрерывно развивающийся язык новые своеобразные, новые изменения, создала в развитии его значительный скачок, но в этом вопросе, вопросе о языке, остается в силе марксистское наследие, игнорирование и отрицание которого никогда ни к чему доброму не приводило. Русский литературный язык создавался классиками путем тщательной и упорной работы, путем отбора слов, выходящих из жизни и вхо-

дующих в жизнь, и отсеивания варваризмов, провинциализмов, архаизмов и пр. Язык революционной литературы не может создаваться путем анатомизации любого, даже бессмысленного словечка, созданного неизвестно даже какой социальной прослойкой, но иногда получающего довольно широкое распространение в массах. Достаточно вспомнить, что ряд слов вошли сейчас на поверхность из самых низов уголовного мира («шамать» «блат», и пр. и пр.).

Опасность, указываемая А. М. Горьким, таким образом, вполне конкретна и реальна. И поэтому мы совершенно не можем согласиться с высказыванием т. Серафимовича о писателях «облаженных» и «необлаженных». Прежде всего ошибочно само противопоставление. Каждый писатель в той или иной мере «облажен», ибо он работает и может не работать над формой, стилем, языком своих произведений. Но, с другой стороны, любой писатель не сразу и не до конца преодолевает «муки слова» — в этом смысле он всегда в той или иной мере «не облажен». Все это одинаково относится и к Панферову, и к Фадееву, и к самому Серафимовичу. К чему же может привести такого рода высказывание такого маститого пролетарского писателя, как Серафимович, мелодично писатель, как не к наплевательскому отношению к форме.

Однако основной порок высказывания А. Серафимовича заключается в том, что он абсолютизирует слабые стороны Панферова. Серафимович утверждает, что Панферов писатель «необлаженный», и риторически задает вопрос: «А, может быть, лучше, если бы он был «облаженным»? Почему не быть вычищенным, почему торчать коряво, почему не обрезать и придать форму? Ведь работают над этим писатели вовсе не в укор им. — Но я думаю, что если бы Панферов к этому стремился, так он Панферовым не был бы. Такой уж он. Та-

кого мать с отцом родили и ничто не поделяшь!» (Курсив наш.— Ред.). Но ведь это значит стилизовать недостатки Панферова, возложить в принцип во вред и самому писателю, и его ученикам! Это значит не хотеть распространения категории движения, развития творчество писателя. Это значит, наконец, фетишизировать живого человека. Верно и еще раз верно! И это означает в применении к пролетарскому писателю Ф. Панферову такие определения его творчества, как: «Что-то такое рогающее торчит во все стороны», «среди этого тумана во все стороны торчит какая-то сила», «Стяжка внутри и снаружи, она повсюду, она, как громадный пень, торчит во все стороны».

Эта полная неопределенность употребляется так: «Сидит в нем (Панферов)». Ред.) мужицкая сила, и если бы Панферов «задал» сделать такую вещь «облаженным», ничего не вышло бы, она потеряла бы свою силу, эту самую корявую, здоровую мужицкую».

Удивительно, как при всех этих «качествах» Панферов мог оказаться ведущим пролетарским писателем! Свои мысли т. Серафимович облек в совершенно неясные образы, вместо того чтобы подыскать ясные и простые слова для выражения этих мыслей. Так злоупотребление языковыми материалами приводит иногда даже опытного мастера к неверным, вредным утверждениям. Что же сказать про молодого?

Да, Горький глубоко прав в своих замечаниях, высказанных им по поводу дискуссии о «Брусках»!

Но обсуждение вопросов об языке и шире — форме художественных произведений не должно ограничиваться двумя цитированными здесь статьями. Редакция призывает писателей и критиков горячо «откликнуться на дискуссию по этим вопросам в нашей газете».

Про товарища

1
Как бывало — с полуслова,
С полуголоса поймаешь.

2
Мимо города Тамбова,
Мимо города друга
От товарища Боброва
С поручением идешь.

Мы с тобой друзьями были
Восьмь месяцев назад.
До рассвета говорили.
Улыбались невпопад.

А теперь —
Гремят колеса,
Кони мотают головой.
Мой товарищ с папиросой
Возвращается домой.
Мост качается.
И снова
По бревенчатым мостам,
По дорогам,
По ковровым,
Отцветающим и снова
Зацветающим цветам. —
Он идет неколбодно
И смеется над собой,
Мимо дома,
Мимо дыма
Над кирпичною трубой.

Над мальчишками летает
Настоящий самолет.
Мой товарищ объясняет,
Что летает, как летает,
И попржему идет.

Через реки,
Через горы,
Пожелавшим говорить
Подмигнет. И в разговор
Разрешает прикурить.
И, вдыхая ветер палки,
Через северную рожь,
Мимо жнейки,
Мимо жатки,
Мимо женщины идешь.
Посреди шершавой мятвы,
Посреди полдневных снов,
Мимо булки,
Мимо хаты,
Мимо мокрого халата
И сатиновых штанов.
Он идет, шута, беспечно.
Встретится ветеринар,
Для колхозника сердечно
Раскрывает портсигар.
Мимо едут на подводах,
Сбоку кирпичи везут,
Цилиндрическую воду
К рукоятам несут.

Дожидаюсь у колодца,
Судомойка подмигнет.
Мой товарищ спотыкнется,
Покраснеет, улыбнется,
Не ответит.
И пойдут.
Вспоминаю про подругу,
Через полдень,
Через день,
Мимо проса,
Мимо лука,
По растянному кругу
Черноземных деревьев.
Мимо окон окошечных
Ты упрямо держишь путь.
Мимо девочек,
Присевшей
На минутку отдохнуть.
Мимо червня,
Сбоку потных,
Некрасивых стариков,
Мимо сумрачных животных
И железных петухов.
Мимо разных публикаций,
Мимо тына,
Мимо запахов акаций
И обломанной сирени.
Ты идешь, большой и ржий,
Посреди косых углов,
Рядом с яблонями,
Ниже
Желтых крыш, травы на крыше,
Звезд, еще невянущих.

Взошел и лугов,
Ты идешь, высокий, грузный,
И глядишь в жилые стекла,
Мимо репы и капуста,
Сбоку клевера и свеклы,
Мимо дуба,
Мимо клена.

Яр. СМЕЛЯКОВ

И свистят у каблук
Горсти белых
И зеленых,
Красных,
Черных,
наклоненных,
желтых,
голубых,
каленых,
переворнутых цветов.
Так,
Включившись в движенье,
Некрасивый и ржий,
Ты проходишь с наслаждением
Мир,
Во всех его явлениях
Понимаемый тобой.

3
Ты идешь, не зная скуки,
По дорогам скрипит трава.
Над тобой худые руки
Простирают деревья.
Ты идешь, как победитель,
От осы до ячменя,
Мой ровесник и учитель,
Забывающий меня.
По тропинке,
По ухабам,
Мимо яров,
Сбоку ям.

Соловьи поют,
И бабы
Подпевают соловьям.

Между прочим, вечерело.
Стали лампы зажигать,
Есть картошку, обжигаясь,
Говорить,
И засыпать,
Не отвечая,
Одеяла
Не успев перевернуть.
Ты присел на камень,
Салом,
Закусил. И снова в путь.

4
Снова речка,
Снова версты,
Конь с резиновой дугой.
Только небо. Только звезды
Над тяжелой головой.
Ты идешь
И напевашь
Про сады и про луну.
Ты поешь и вспоминаешь
Аграфену Ильину.

Не она ли в селе Завьялы,
От предчувствия бледна,
Тихо ставни открывала
И сидела у окна.
Не она ли — вилку ковы,
Разделав на три косы,
Сторожила у откоса
Золотую папиросу
И колохую усы.

Тихое перемещение
Звезд от дома до реки.
Груно в легкое смущение
Приволоди светляки.
Ей и спится и не спится.
— Неужели ты отвык?
Не просохли половики.
Не стоптался полоник.
Неужели позабыл,
Как дышала чесноком.

Нешто голову остудить
Полотняным рушником?
(Было же время зноноты,
Той рубаше голубой,
Где сиреневая птица
Нарисована тобой).

Ты войди ко мне, как раньше,
Держая больным плечом,
Громыхая сапогами
И брезентовым плащом.
Для тебя постель стелила,
Приготовила кровать.
Выйдешь. Скажи, что видел.
Оставайся ночевать.
Только ты. Стали липы,
Тень висит у хомута.
Да заленет нудным скрипом
Нежилая темнота.
Где ж ты ходишь, беспоконный,

С кем гуторишь,
Что поешь?

5
Мимо озера Артема
Ты по августу идешь.
Как с тобой в одной бригаде
Мы ходили, слава труд,
Как в Тамбове на параде
Отделенные идут.

Ты идешь. И ты не слышишь,
Как проходит вперед,
Как на ясенях, на крышах
Начинаются дожди.
Ты не думаешь, не знаешь,
Что, заслышави тебя,
Два врага одновременно
Поднимают два ружья,
Что один из них степенно
Изучает две звезды,
И другой из них считает
Увесенные пуды,
Что другой оглох от страха.
Ты не поил.

На тебе
Двое солопочек с размаха
Подымают два ружья,
Ты уже не видишь света,
Ты уже не слышишь слов.

Два удара,
Два букета
Незавязанных цветов,
Два железных почета,
Две последние черты.
Упадешь ты, негодуй,
В придорожные цветы,
Упадешь,
Костяный, белый,
Ружку грузную подав,
Два последних неделев,
Слов прошальных не сказав,
Древнившись,
Принявши пуды,
Как буря, упадешь,
Все устави, все уснуди,
Слушая сухую рожь.

Слышишь запах крови сладкий,
Смерть. Заря.
И, наконец,
Под одним из них впрыскаду
Плещет желтый жеребец.

6
Дождь стоит у переправы,
Затянувшись, косой.
Утро.
Областные травы
Пересыпаны росой.
Утро.
Бьетесь теплый инст.
У поверженной земли.
Над тобою, задыхаясь,
Пропушели журавли,
Прягнет железный ворон
И косится на тебя,
Да прохорит эскадрилья,
Нагибается и гудя,
Нарисованный принимаая
За простой и голубой,
Вышла девочка худая
И смеется над войной.

Мир осенний принимаая,
Переделывая мир,
Чинит сбрую у сараа
Рыжеватый бригадир.
Ты лежишь, откинув руку,
Посреди цветов.
Пока
Около тебя не станет
Колесо грузовика,
Ты лежишь в гробу дубовом,
Перевязан и угром.
Не к лицу тебе, товарищ,
Сшитый плотником костюм.
Рядом с гробом левка бьетса
С непокрытой головой.

Опустив глаза — кланяется
Выдержав — тяжелый — бой.
Мы подмигнем. И выйдем
И проходим темноту.
Опустив глаза — мы видим
Нашу честную мечту.
От совхоза и завода,
Под звездой и дождем,
Стань земля.

Под непогодой
Мы по осени идем.

Иллюстрация худ. А. КРАВЧЕНКО (гравюра на дереве) к новому изданию «Трагедийной ночи» А. БЕЗЫМЕНСКОГО (из-во «Советская литература»).

КНИГА О КРАСНОЙ АРМИИ

НА ПРИМЕРЕ ТРИДЦАТОЙ БРИГАДА ПИСАТЕЛЕЙ ПРИСТУПИЛА К РАБОТЕ

Нельзя сказать, что наша советская художественная литература забыла такой серьезный участок, как показ организации и строительства вооруженных сил пролетарской диктатуры — Красную армию.

В художественной литературе нашли отражение и годы гражданской войны, годы войны, в которые складывалась и крепла Красная армия (Фурманов — «Митя», Фадеев — «Разгром», Серафимович — «Железный поток» и др.), и первые годы мирной передышки, когда Красная армия переживала период своей организационной перестройки (Либединский — «Комиссары», Исбах — «Эпизис красноармейца-коммуниста», «С винтовкой и книгой» и др.). Нашли свое отражение и годы реконструкции в Красной армии.

Однако, наша литература еще не дала большого цельного художественного полотна, в котором каждый читатель мог бы увидеть тот величественный 16-летний боевой путь, который совершила армия революции с первых дней ее существования. А такого показа героических дел в борьбе с врагами, показавших победных битв, показавших революционных будней, в которых с новым людским составом, с новой техникой в руках перестраивалась и перестроилась наша армия, готовая в любой момент встретить врага во всеоружии — такого показа армия, защищающая страну строящаяся социализма, больше чем достойна.

Создание такой книги о Красной армии взяла на себя Партизат. На примере одной дивизии нужно показать Красную армию в целом.

Объектом книги взята одна из лучших дивизий РККА — 30-я стрелковая дивизия, одним из первых командиров которой был т. Блюхер. Дивизия прошла большой боевой путь. Сформированная уральским полкостром, дивизия дрались и побеждала в Сибири белые полчища Пепеляева, освобождала Сибирь от Колчака, дрались за Перемышль и Чагатай, под именем которого 30-я особенно известна.

В годы мирного строительства 30-я идет вперед на всех участках боевой и политической подготовки. 30-ю дивизию можно было видеть и на стравках и на колхозных полях.

История дивизии — это огромный кусок великого пути, совершенного Красной армией в целом. Не без волнения поэтому смотрим на страницы сухого перечня незабываемых событий и фактов, заключенного в папку — «История 30-й стрелковой дивизии». Эти события и факты требуют особого освеще-

ния, требуют облачения в большие художественные образы. Кто в силах достойно показать Красную армию, армию Октябрьской революции, армию братства народов, армию международной революции...? (Сталин). Только большой и сильный коллектив советских писателей. Только коллектив. Одному-двум товарищам это не под силу сегодня. Вот почему совместно с оборонной комиссией Оргкомитета писателей Партизатом организована бригада писателей и поэтов.

В бригаду вошли писатели П. Павленко, Н. Огнев, Артем Веселый, Ф. Панферов, С. Ващенко и др. Входят также и писатели, принимавшие участие в работе над книгой о Беломорстрое: тт. В. Иванов, В. Катаев, Л. Никулин, Е. Габрилович и др. Приглашены к работе над книгой и поэты: тт. Асеев, Луговской, Гусев, Светлов, Сурков.

Бригада уже приступила к работе. 8 февраля состоялось в Партизате первое организационное совещание писателей и политработников Красной армии, на котором т. М. Субоцкий и т. Блюменталь (ПУР) рассказали коротко о боевом прошлом 30-й, ее боевой и политической учебе сегодня, об участии ее в мирной социалистической стройке и т. д.

Бригада писателей выедет в дивизию для ознакомления с ее работой, ее жизнью, а отдельные писатели получат также возможность побывать и на Урале, где формируются дивизия в Сибири и Крыму, где дивизия в боях против Врангеля под руководством лежиской партии ковала победу революции.

Книга о Красной армии на примере 30-й дивизии должна показать величественную картину всей истории Красной армии и в особенности ее последних лет — тех лет, когда под руководством воля партии т. Сталина страна одержала огромные политические и хозяйственные победы, построив фундамент социалистической экономики, а Красная армия неизмеримо выросла, окрепла и стала готовой к тому, чтобы любому свиному рылу не позволить полотить к советскому огороду.

Советские писатели дадут достойную книгу о Красной армии.

З. ЛЕЕНСОН.

Обзор ПЕЧАТИ ЛИТЕРАТУРНАЯ СИБИРЬ

ОРДЕНОНОСНОМУ КРАЮ — ДОСТОЙНУЮ ЛИТЕРАТУРУ

«Литературная Сибирь», газета Западносибирского ОК ССР, только дважды (в октябре и ноябре) вышедшая в прошлом году, с января 1934 г. выходит регулярно два раза в месяц.

Западносибирская краевая литературная газета

должна сыграть большую роль в подготовке и всевозможном с'езде советских писателей и к краевой конференции.

Эта большая роль «Литературной Сибирь» особенно повышается в связи с тем, что Западная Сибирь превратилась из отсталого край в край передовой, получившей почетнейшую награду пролетарского государства — ордена Ленина.

Между тем западносибирские писатели вынуждены на страницах своей газеты признавать недопустимое отставание краевой литературы от индустриально-экономического роста Западной Сибирь, от культурного подъема рабочих и колхозных масс, отставание от быстро растущих требований этих новых многотысячных читательских слоев.

В 1933 г. сибирские писатели не выпустили ни одной книги, в которой бы ставилась и освещалась крупнейшая проблема социалистической Сибири — Сталинский металлургический завод...

Для «Литературной Сибирь» конференции не нашлось ни одного произведения о Кузнецкстрое...

Поэтому и в последнем номере «Литературной Сибирь», на первой полосе, где писатели рапортовали XVII с'езду ВКП(б), они должны были самокритически констатировать, что

писатель Западной Сибирь слишком мало и слишком недостаточно освещает в своем творчестве то огромное индустриальное и колхозно-совхозное строительство, которое мощно развивается в крае.

При таком положении вещей западносибирская литературная газета, естественно, должна мобилизовать основных писателей края вокруг основных проблем краевой индустрии и совхозно-колхозного строительства.

Вместе с тем, борясь за высокое идейное и художественное качество произведений, газета должна растить критические кадры, систематически давая оценку творчества писателей Западной Сибирь, привлекая их к активному участию в творческих дискуссиях по основным принципиальным вопросам советской художественной литературы.

Однако газета не вполне справляется с этими задачами. Прежде всего обращает на себя внимание крайняя скудость конкретные критических статей. В четырех выпусках газеты едва можно насчитать девять таких статей, из которых две являются обзорными печатями. Этот арифметический подсчет наводит на еще более грустные мысли: если учесть, что один из обзоров — обзор литературных страниц газеты «Красноармейская звезда» РС СибВО — написан ленинградскими авторами, а две больших критических статьи принадлежат перу молодого московского литератора.

Но дело, конечно, не только в

арифметике, в количестве критических статей: ряд возражений возникает и по существу их. Так, «Литературная Сибирь» только однажды сошла нужными поговорить со своими читателями об одном из самых важных вопросов — о книге завоевавшей не только краевую, но всеобщую популярность, — о шолоховской «Поднятой целине». Но и в этом случае газета ограничилась очерком, а не занялась критическим анализом книги.

В остальных статьях газета критикует исключительно местных сибирских писателей, анализирует книги, вышедшие в Новосибирске.

В последних двух номерах «Литературная Сибирь» печатает статьи, удовлетворительные и по существу и по форме. Но еще недавно газета дала обзор творчества томского литератора, написанного В. Гришинским. Обзор этот является образцом того, как безграмотно, вульгарно и бессодержательно могут быть «фаскированы» молодые писатели, если сложное и тонкое это дело поручить человеку малокультурному, но тяжелому на руку...

Однако два январских номера газеты свидетельствуют о наличии необходимого перелома в работе критического отдела газеты. Как о достижениях, нужно сказать и об ошибках печати, обзорах периферийных литрубрики и газет местных литрубрики, и о том, что в следующем номере «Литературная Сибирь» приступила к печатанию программы и методических разработок для литружков. Материалы, эти, несомненно, окажут существенную помощь массовому литературному движению края.

В заслугу газете нужно поставить и внимание к смежным искусствам: радио, музыке, театру, хотя некоторые из статей страдают излишней общностью, неконкретностью, а статья Г. Павлова о театре «Красный факел» содержит в себе и явно ошибочную тенденцию. Совершенно напрасно у автора этой статьи «вызывает недоумение» называемый театром репертуар: «История», «Мстислав Уладо», «Угрошение мистера Робинсона», «Американская трагедия» по Драйзеру, «Чужой ребенок», «Вздор». Напрасно Г. Павлов квалифицирует последние четыре спектакля как «развлекательные» и утверждает, что обращается к театру с уверенностью, что он не улетит в подобный репертуаром... Напрасно, товарищ Павлов: не плохой репертуар!

Чтобы оживить газету, чтобы сделать ее подлинным коллективным органом масс, писатели Западной Сибирь необходимо вынести на страницы своей газеты творческие споры, которые, несомненно, происходят в живой и деятельной литературной среде Западносибирского края, но которые не нашли до сих пор отражения в «Литературной Сибирь». Богатый материал читательских откликов и высказываний, напечатанных в газете, говорит о том, что писатели Западной Сибирь окружены внимательной и благодарной читательской аудиторией. Аудитория эта — рабочие и колхозники края — требует, чтобы сибирская литература была достойна награжденной орденом Ленина социалистической Сибирь.

«Литературная Сибирь» может и должна помочь тому, чтобы требование это было выполнено.

„ПОХИЩЕНИЕ В ЕВРОПЕ“

НАЧИНАЕМ ОБСУЖДЕНИЕ РОМАНА К. ФЕДИНА

Ефрем ПОЛОНСКИЙ

Гете как-то сказал:

«...Национальная литература сейчас говорит не много; надвигается эпоха мировой литературы (Weltliteratur), и каждый должен способствовать ускорению наступления этой эпохи».

Это было сказано в 1827 г., т. е. сто с лишним лет назад. Нетрудно понять, чем вызваны эти знаменательные и в известной степени пророческие слова: поднимающийся капитализм уничтожал хозяйственную замкнутость отдельных стран. Французская революция, железные дороги, телеграф, пароходы начали сокращать пространства, объединяли народы; повисла идея к другим странам; они стали доступны для людей из одного конца Европы в другой, перемешались, перетасовались французы, итальянцы, немцы, русские, передвинули границы. Тысячи людей стали этнографами, географами на практике, новыми путешественниками, знатоками чужих стран. Литература, разумеется, не могла остаться в стороне от этих явлений.

Константина Федина интересует и волнует не только то, что происходит в СССР, но и то, что делается вне его. Его интересуют и волнуют взаимоотношения двух миров, их контрасты, пути их развития, их единство. Его интересует влияние идей и дел СССР, за рубежом Союза, в Европе, пораженной глубочайшим экономическим и моральным идейным кризисом, который приводит к резкому

обострению классовых противоречий, к нарастающему революционному кризису, к невольному обнищанию широких масс трудящихся, к маразму, депрессии, к средневековью, к которому катится современная буржуазная культура. Федина хочет проследить, изучить и показать, куда идет Европа, показать ее нынешний облик, сопоставить ее с СССР. Задача эта в высшей степени достойная и ответственная. И то, что Федина взялся за нее, — большая и неоспоримая его заслуга.

Он отправляет своего героя в путешествие по Европе — следствием протекания в Голландии, Норвегии и Германии».

Завидное путешествие, что и говорить. Недаром Рогов «с живой силой испытал томительное и восторженное чувство бродяги, одурманенного просторами мира».

Кто же такой Иван Рогов, составляющий это путешествие? К сожалению, Федина держит его в положении полуизюжничего. Сначала, по явке, заповедной Роговым в норвежском горном отеле, мы узнаем, что он из Ленинграда. Он большевик. С об из Ленинграда. И только в XX главе узнаем, что он журналист.

«...История болезни он вел с конца девятнадцатого года. В наступлении на Пулков, при обороне Петрограда от ген. Юденича Рогов был ранен пулей навылет в ногу, выше колени».

Вот и все (или почти все), что мы узнаем об Иване Рогове. Несмотря на неразвернутый прологит он скрывает всю первую часть романа. И это при методе, избранном Фединым, понятно: Рогов не несет никаких действительных функций. Он только путешествует. Но отнять у большевика его действительное функциональное начало — это значит обезоружить его, отнять у него то самое, что дает ему право называться большевиком. Рогов только путешествует, наблюдает, ко всему прилагается. Но мы не видим, как все то, что видит Рогов, преломляется сквозь его психику и миропредставление. То, что видел Рогов, мог видеть и любой турист. Но то, что думал о виденном Рогов, мог думать только большевик. А этого-то и нет в романе. Две-три реплики еще не определяют большевистской сущности героя.

И возникают сомнения в правдивости метода Федина (путешествие, турма) для показа современной Европы, сомнения в большевизме большевика Рогова. Вообще трудно представить себе большевика в положении бестрастного и равнодушного туриста. А именно таким мы и видим его в первой части романа.

И не случайно ему вскоре надоедает туризм, и он тянется обратно в СССР.

Но кое-что, вернее, кое-кого, Рогов все-таки похищает у Европы.

Это женщина-эмигрантка. Эмигранткой называет ее сам Рогов. Клавдия протестует. Она только беглянка. В СССР она занималась химией, мечтала стать инженером по искусственному шелку, но испугавшись серости, «негижы» большевистского быта, бежала в Европу и попала в рижский кафе-шантане, откуда ее вывел Филипп ван Россум, голландский миллионер-деропромшленник, имевший до революции свои предприятия в России и ныне работающий в большевиками: лесные концессии. Клавдия тяготеет своей никчемной жизнью в доме миллионеров ван Россумов и хочет вернуться обратно в СССР.

«Может быть вас и правда уже пора спасать, мой друг?» — спрашивает большевик Рогов и уводит ее в СССР.

И вот в Амстердаме, ночью, гуляя с Клавдией, большевик «...Рогов испытывает чудесное слияние с безмятежно — большой притянувшей жизнью, сотканной из множества частей, полно и пышно раскрывавших себя в музыке тишины. Тишина обхватывала его любовью. Город — самое милое Рогову выражение жизни! — подставляла свое сердце: слушай! Второй раз за все путешествие Рогов телесно ощущая свою принадлежность к миру. Но это ощущение сейчас было сильнее, чем в Бергене (в Бергене была мимолетная встреча с очень молодой, но неведомо зачем покаянной в романе Еленой, дочерью миллионера Филиппа ван Россума Елена вскоре умирает где-то в Батавии... — Е. П.). Женщина, ступающая нога в ногу, случая каждое ничтожное восприятие, придавала ему счастливый, пугающе-новый смысл».

Большевик Рогов мог, разумеет-

ся, увлечься дочерью голландского миллионера Филиппа ван Россума. Мог полюбить его жену, «беглянку» Клавдию: мог полюбить и голландскую королеву и увести ее, как Клавдию, в СССР. Не в этом суть. Но получается так, что смысл его путешествия, цель его поездки — в любви, в Клавдию. Он и сам это подтверждает:

«...Он целовал ее, и ему было так, как будто бы он целует свою нежную, грустную, одинокую, но все-таки любимую жизнь, и чувства, которые испытывались ночью в городе, и самый город, и прелесть путешествия — неустанного и утомительного хождения в чужие земли и губы, губы — жаркую награду поисков и ожидания» (подчеркнуто нами. — Е. П.)... ему было странно и хорошо».

И дальше:

«...Но со раскрывался на грани действительности, воспринимаясь уютно, отчетливо и только в одном не теряя сходства с ночной фантазией: в неистребимой силе влечения к силе. Нет, Рогов не напрасно приехал в эту страну, в этот город. Тут настал конец его поискам, или, нет, он ничего не искал. Но в эту минуту он знал, что можно навсегда освободиться от состояния, которое он упрямо не хотел называть одиночеством и которое не было ничем иным. С уверенностью он готов был сказать, что ведет за руку существо, недостававшее ему — сам же жизнь (подчеркнуто нами. — Е. П.)».

Вот что, оказывается, искал и ожидал Рогов «в неустанном и утомительном хождении в чужих землях». Тем самым Федина пошел по линии наибольшего сопротивления, поставил проблему самых основ буржуазной культуры — того, что в конечном итоге порождает фашизм, Шпенглеров, Геббельсов, Розенбергов и т. м.; множество «пророческих» спасателей общества, проповедников «спасения», один из которых, Гольцафельд, представлен и в романе Федина. В судье ван Россумов Федина показывает судью европейского буржуазства, судью более консервативной и крепкой его части, запечатленной в свое время на портрете Рубенса. Рубенс, Поттер, ван Эйков — это самоодолчество и спокойствие, широкое, красное, сплошное, кроющее бытие, в котором слышится плотный хруст прекрасно работающей челюсти, шум пирушек, топот танцующих, шуршание тяжелых юбок, жирный смех, запах

здоровой похоти и пота — рай на земле.

Читая «Похищение Европы», убеждаешься, что все это можно отнести только в музей. В действительности уже не то. Нет уже такой безмятежности, благого румянца. Все полноту сумеркам. Старое, вековое здание буржуазства уже держится, но оно уже дало глубокие трещины.

Есть от чего прийти в отчаяние Филиппу ван Россуму!

Эта сторона показана в романе Федина убедительно, правдиво и сугубо реалистически.

Впрочем, есть одна страна, которая может похвалиться и похвалиться, страна невероятно растущей мощи, не знающая кризисов перепроизводства... СССР. Торговать с Россией... Концессии... Но ведь Россия — это большевик, угроза бюргерской Европе, гибель.

Но у ван Россумов нет выбора. Из двух зол они выбирают меньшее. Пусть большевик — исчадие ада. Но они — самые аккуратные платильщики. И надо торговать с ними. Впрочем, Филипп и Франс ван Россум не такие твердые. Они знают, чувствуют, что большевик — надо, они даже уважают большевика: прекрасные деньги! Платят. Шутка ли! Они видят, что она — «фата-морганна», что она преобразовывает старую Россию. И только Эвальдлинг-Гейзер (Детердинг) угрожает, строит им козни, закрывает кредит и т. д. Но образ этого воинствующего империалиста, короля нефти, «дефяного Наполеона», одного из опаснейших врагов СССР, недостаточно развит. Он нам дан меньше, чем знает о нем советский читатель. Детердинг в романе Федина скупо показан. Он достоин больше.

большой силой, но массовой борьбы почти нет. Столкновение с «наци» бедно.

Основной недостаток первого тома романа — его статичность. Отдельные динамические места только подчеркивают это. Преобладают описательство (одна глава так и названа «Описание общества»); часто в духе и вкусе роландовского «Мертвого Брюгге» (Амстердам, Берген и т. д.), Натюр-морт — описание городов Нидерландов, Германии, Норвегии не способствует развитию основной линии романа.

В начале книги Федина в виде этнографа приводит следующие слова Стендаля:

«...В стиде этого романа наглядно много нанизанных выражений, у меня нехватает смелости их изменить».

Дело не в этих «нанизанных» выражениях. Потому что Стендаль, как и Вальзаук, Золя, порою и вовсе не замечает. Но Стендаль сказал еще и иное:

«...Детали формы и мелочи сюжета, как бы художественны они ни были, еще не составляют искусства, подобно тому, как идеи, хотя бы и гениальные, еще не дают писателю права на титул гения или таланта. Чтобы мы сть, надо свести круг воззрений, который захватил бы и координировал бы весь мир современных идей и подчинил бы их одной живой господствующей мысли. Только тогда овладевает мыслитель фантазией иди, то есть та яркая определенная вера в свое дело, без которой ни в искусстве ни в науке нет истинной жизни».

В «Похищении Европы» детали формы и мелочи сюжета занимают слишком много места. Порою густо господствующую живую мысль, становится самоцелью.

«Похищение Европы» еще не закончено. Перед нами только первая часть романа. Предстоит еще вторая часть. О ней говорится, что она —

«...продолжает и заканчивает события романа в Беломорском порту Сорке, в Ленинграде, в Москве и других местах Советской страны, на морях и на суше».

Подождем. Только после появления всей книги можно будет с полной определенностью сказать, насколько и как Федина справился со своей большой и трудной задачей.

НОВЫЙ РОМАН СИНКЛера ЛЬЮСА

Синклер Льюис написал новый роман «Творчество», встреченный чрезвычайно холодно даже на страницах наиболее консервативной американской печати.

Два сына владелица маленькой провинциальной гостиницы по-разному понимают проблему творчества. Один из них, Ора, становится посредственным писателем, уезжая в Нью-Йорк, поддается под влиянием американской культуры, опускается до низкопробной макулатуры и в конце концов счастливо получает работу в Голливуде, роль одного из сотен сценаристов закрытых студий.

Другой сын, Майрон, тщательнее изучает постановку отечественного дела. Для него творчество — это трудное и серьезное отношение к делу. Он сначала работает корректором, потом поваром, потом директором одной из крупнейших гостиниц в штате. В сущности его карьера, его достижения и неудачи на поприще отечественного «бизнеса» и посвящен весь роман. В конце концов Майрон все же банкротства находит покой и счастье в роли хозяина гостиницы для туристов в штате Канзас.

Роман «обойдет» цифрами, сводками отечественной бухгалтерии, детальными показом «тайн» отечественной мысли. По словам критики, эти главы с успехом могли бы появиться в торговом-промышленном отделе любой газеты. «Они настолько отвращают роман, что его скучно читать», — замечает один из критиков. Здесь, повидимому, Синклер Льюис совсем отказывается от сатирического изображения американской действительности. Практика «бизнеса», так ядовито осмеивая им в романе «Мистер Бейблит», является не отрицательной, а положительной темой романа. Характерно, что не только коммунистический «Нью Мессеж», но даже солидные левобуржуазные журналы «Найшен» и «Нью Рипаблик» отмечают снижение стилистического мастерства в новом романе Льюиса, бедные образы и язык и слабость портретных зарисовок.

МАСТЕР КОРОТКОГО РАССКАЗА

В Нью-Йоркском издательстве Вайкинг-пресс вышла книга рассказов известного американского писателя Эрскина Колдуэлла «Мир живем».

Эрскин Колдуэлл принадлежит к той части американских прозаиков, которая примкнула к революционному движению. За последние годы был издан ряд книг Колдуэлла, первый сборник рассказов «Американская земля» и романы «Табуачные поля» и «Божий надел». Сборник «Мир живем» полон теплоты и лиричности, в особенности рассказы «Индийское лето», «Первая осень» и др. Не столь сильно, как в предыдущих книгах, выражены здесь сексуальные мотивы. Рассказы отмечены социальной настроенностью. Присущий Колдуэлла юмор перерастает (например, в рассказе «Выбор народа») в социальную сатиру.

Революционный американский критик Алан Калмер пишет по поводу нового сборника Колдуэлла: «Новая книга показывает рост Колдуэлла как литературного мастера. Рассказ «Мир живем» гораздо выше с художественной точки зрения его первого сборника «Американская земля».

Тот же критик отмечает умение Колдуэлла в нескольких штрихах дать целую выразительную картину. Но типы Колдуэлла в основном остались прежними: это разрозненные мелкие фермеры, оставшиеся в стороне от революционной борьбы. Писателю недостает тесной связи с пролетарскими массами. Поэтому многое для Колдуэлла осталось еще непонятным.

НОВЫЕ КНИГИ

Новый роман опубликовал Льюис Фойхтвангер «Сестры Опенгейм».

Берт Брехт выпустил в Париже новую книгу «Песни и баллады» с музыкой Эйлера.

10 февраля состоялось заседание грузинской бригады Оргкомитета совместно с представителями писателей Грузии. На заседании в числе других обсуждался вопрос об ознакомлении советского читателя с грузинскими произведениями. Под общим отчет мы даем в следующем номере. На снимке — участники заседания.

КОМУ ЖЕ ВЕРИТЬ? КСТАТИ О ТЕАТРАЛЬНОЙ КРИТИКЕ

Ю. ЮЗОВСКИЙ

«Кому же верить?» — восклицает на страницах «Советского искусства» человек, подписавшийся Дельта. «Где же правда, наконец?» — декларирует он якобы от имени зрителя. «Где руководство зрителем, актером, театром?» — вводит в заблуждение он или он.

Что же случилось? Случилось, что два критика не сошлись во взглядах. Попытки. Высказали противоположные мнения. Дельта приводит пример. Критик А. Солы в «Правде» в порядке обсуждения заявляет о своем отрицательном отношении к пьесе Вишневого «Оптимистическая трагедия», мотивируя это тем, что жанр трагедии в советской драматургии незаконен. Критик Н. Осинский, полемизируя с А. Солыем, защищает пьесу, считая, что жанр трагедии, во всяком случае на материале гражданской войны, с которым имеет дело Вишневы, заслуживает внимания и зритель, так сказать, приглашен судить в художественном споре.

И Дельта ринулся на защиту зрителя. Бедный зритель, его заставляют размышлять о спектакле! Вместо того чтобы думать за него и дать ему точную инструкцию: «трагедия нужна или трагедия не нужна», его путают, его тоже пригласают думать! «Где же руководство зрителем, актером, театром?»

Если бы на месте Дельты действительно был зритель, он, вероятно, сказал бы так: — Вы знаете, мне это нравится. Этот спор заставил меня задуматься. Между нами, я даже взял в библиотеке кое-какие книги. Я с нетерпением ждал газет и журналов по театру, я ждал дискуссии, которая развернулась бы в плодотворное обсуждение путей драмы. В самом деле, жанр трагедии, занимавший такое видное место в прошлой драматургии, какова его судьба сейчас? Я ждал статей и выступлений, где упомянулись бы имена Софокла, Корнея, Шекспира. Увы, я нашел только Дельту. Но, товарищи, мне этого мало. Чорт возьми, мне это начинает доходить! Если судить по нашей критике, у нас очень бедная творческая жизнь. Но вспомните любую значительную премьеру. Еще в зрительном зале, затем в фойе, у вешалки, на морозной улице в столпотворении трамвая — какое оживление, столкновение мнений, радостное единодушие, ирония, смех, восторг. Но ведь это только намек, которые должны развернуться в печати и на диспутах. И вот я читаю рецензии. Боже мой! Пять или шесть уныло-монологичных рецензий, похожих друг на друга, как серые кошки (как будто нет разных взглядов, разных вкусов, разных мнений), где сообщается, что пьеса, которую я видел, во-первых, написана о гражданской войне, что, во-вторых, она, пьеса, ни плоха, ни хороша, а «так себе», что, в-третьих, спектакль выше пьесы и что, в-четвертых, актер Петров играл более удачно, актер Иванов менее удачно, а актер Сидоров более или менее удачно.

Но, товарищи, мне этого мало Дельта. Почему наши критики пишут так, будто им не хочется писать? Почему в статьях и рецензиях нет темперамента, иронии, того, если можно так выразиться, аромата из работы мысли критика, того интеллектуального драматизма, который сам по себе доставляет наслаждение и возбуждает мысль у читателя? Почему, когда вы обсуждаете идейные пороки пьесы,

вы говорите об этом каким-то упавшим голодом? Где ваша ответственность? Почему когда оцениваете художественные достоинства и недостатки спектакля, я не чувствую, что вы любите искусство? Когда наши инженеры обсуждают проект новой машины или хозяйственный проект промприпана, столько волнения, интереса, а у критики «да о чем говорить? Читатель статью о театре, я хочу думать, радоваться, возмущаться, еще раз пойти на спектакль, хватать еще полки книги, писать письмо автору, звонить приятелю по телефону. Не хочется мне этого, когда я читаю многие ваши рецензии. И думать не хочется. И хватать книги не хочется. Беседовать с приятелем не хочется. Ничего не хочется. «Жить не хочется»...

Так сказал бы зритель, о нас, о критиках.

Но Дельта приводит другой пример. Оказывается, что в оценке музыки той же «Оптимистической трагедии» опять разные взгляды. «Ю. Юзовский в «Вечерней Москве» не принимает музыки в этом спектакле». О Литовский в «Советском искусстве» музыка доволен. Но Ю. Юзовский не принимает здесь музыку, потому что стиль «Оптимистической трагедии» героический, патетический, романтический, требует от музыки такого же стиля, музыка широкого дыхания». Бетховенской мощи, героической насыщенности. А лирическая мелодия мелочит этот стиль. О Литовский, наоборот, считает, что «необычайная, заслуживает внимания, и музыка». Эмоциональная и красивая мелодия придает спектаклю лирическую и мягкую окраску.

«Где же правда, наконец?» — восклицает Дельта.

А вы подумайте, товарищ Дельта. Подумайте. Рассудите, кто прав. Солы или Осинский, ну вспомните греков, французов, англичан. Сделайте выводы. Вот и будет руководство зрителем, театром, актером, драматургом. Вы могли бы сказать, что указанные точки зрения не аргументированы или плохо аргументированы, что это приведет к простому разнобою вместо большой принципиальной полемики. Вы могли бы сказать, что театру надо уделять больше внимания, о чем недавно написала «Правда». Но ведь не об этом у вас речь.

Кстати, Дельта, нарушивший свое правило и обрушившийся (бездоказательно) на статью И. Алтымана об «Оптимистической трагедии» в «Литгазете», почему-то прошел мимо статьи в «Советском искусстве», ведь куда уж ближе! А в этой статье (О. Литовского) сказано, между прочим, об образах пьесы, что «все они заранее даны». Но сказать так, значить признать пьесу решительно неудачной. Ибо смысл пьесы заключается в изображении того, как анархические матросские элементы постепенно превращаются в боевой большевистский полк. Но для того чтобы воплотить эту тему, образы не могут быть «все заранее даны». Наоборот, они должны быть динамичные, изменяющиеся, превращающиеся... Но О. Литовский хвалит пьесу и в другом месте этой же статьи даже пишет так: «Ценность пьесы Вишневого заключается в показе... рождения регулярной Красной армии из неорганизованных, зараженных братишечным духом, отрядов». А как же тогда с тем, что образы «все заранее даны»? Непонятно. «Где же правда, наконец!».

Мы занимали Дельта время читателя, потому что его идея находит себе кое-где хождение. Обывательская идея уравниловки в художественной критике и боязни творческой дискуссии. К сожалению, эта идея, сознательная или бессознательная, воспринята и частью нашей критики. Нам приходится как-то уже писать, что почти не было случая, когда бы один театральный критик выступил против другого, вызвал на дискуссию, на спор, который мог бы расширяться до большого и плодотворного обсуждения вопросов драмы, когда подведенные итоги и выводы стали бы этапом в нашей драме. Почти год прошел с тех пор, как на драматургическом пленуме ССП разгорелся спор о «спотолке», о характерах и положениях, об «актах и эпизодах», но спор этот не перекочевал на страницы газет, журналов и диспут. Если же перекочевал, то в смехотворно-нигилистическом количестве. Объясняется это, конечно, недостатком марксистско-ленинских знаний у критиков, не говорю уже о специальных знаниях, низким теоретическим уровнем, что не дает возможности широким постановкам вопросов. Но объясняется это и желанием, чтобы царствовала тишь, да гладь, да божья благодать...

Наша критика, вообще говоря, значительно выросла, сподожавшись и т. д. Но это только увеличивает требования к ней зрителя.

В жизни критик значительно интереснее, умнее, разнообразнее, чем в статье. «В жизни критик не соглашается с мнением другого критика, но он не хочет «сорисорить», «портить отношения», не выступает с открытым забралом, а если спорит, то очень нехотя, стыдливо, смущенно.

И вот тут встает вопрос о взаимоотношениях между критиком и драматургом, и театром, художником вообще. Взаимоотношения эти должны быть, конечно, дружеские: ведь мы имеем дело с советскими художниками. Но давайте договоримся, что понимать под словом дружба. Позволим себе привести два отрывка о критике — Чернышевского и Лессинга.

В статье «Об искренности в критике» Чернышевский пишет: «Ну что особенно дурного делает критик, если будет прав и ясно, без недомолвок высказывать свое мнение о достоинствах и даже (о ужас!) недостатках литературных произведений, украшенных более или менее известными именами. Ведь этого именно требуют от нее и читатели и сама польза литературы».

10 февраля состоялся общесоюзный слет литкружковцев и рабочих авторов. На слете выяснилось, что наибольших успехов добились кружки ЦАГИ и завода «Серп и молот». Хорошо работают кружки Горьковского завода, клуба им. Кухмистера, 3-да им. Ильича. С индивидуальными творческими отчетами выступили молодые писатели, выросшие в фабрично-заводских литкружках.

Лессинг в «Гамбургской драматургии» в связи с инцидентом, когда актриса Гензель «обиделась» на его критику, говорит:

«Истинный художник только тогда убедится, что мы понимаем и ценим его заслуги, как бы он громко ни говорил, когда увидит, что мы замечаем и его слабые стороны. Он будет в глубине души смеяться над всеми бесприличными увлечениями и ему весьма только смелость порицать его».

Может ли мы сказать, что наша критика всегда бывает искренней? Далеко не всегда. Можем ли сказать, что дружок всегда бывает настоящей, принципиальной? Далеко не всегда. О принципиальной критике — вот о чем речь. Руководство драматургом и театром, определение политики в этом отношении должны быть на принципиальной высоте, а не рождаться от беспринципного политиканства, конъюнктурщины и групповщины. Недостаток нашей критики это ее «благополучность», мудрое балансирование «добра» и «зла», недостоинство и положительных сторон.

Вот обычный бухгалтерский расчет: найдем сначала положительное. Вот они и вот они. А теперь и недостатки, как же без недостатков! А плюс В минус С. И решения готова.

Но этот бухгалтерский баланс затусуетывает принципиальную сторону вопроса! Наша критика часто не решается на эту принципиальность: «давайте лучше работать по бухгалтерскому балансу, а то как бы чего не вышло».

Но, думается, если критик глубоко принципиально относится к своему делу, если он связан и глубоко чувствует социалистическую действительность, он может говорить смело, искренно и прямо. Ему нечего бояться.

Правда, он может допустить творческую ошибку. Например, ошибка т. Вишневого, отрицающего реализм во имя романтики, или т. Киришона, отрицающего романтику во имя реализма. Но такая творческая ошибка, которую мы все вместе исправим, плодотворнее и нужнее десятка бездумных истин. Вспомним, что самый скучный персонаж на сцене это — резонер. И если мы требуем, чтобы на сцене были живые люди, пусть же будут живые люди и в критике.

СЧИТАЮТ ЛИТЕРАТУРУ „ЗАБАВОИ“

IV партийная конференция Горьковского края в резолюции по отчетному докладу крайкома ВКП(б) постановила: «Поставить перед партийно-комсомольскими и профсоюзными задачами всемерной помощи писательским организациям, литературным кружкам, создавая условия для идейно-творческого роста литературных писательских кадров».

В Горьком имеются не плохие факты развертывания массового литературного движения. Об этом говорит рост новых литературных кружков, оживленная работа литкружков на Автозаводе им. Моторова, в Сормове. Но тем не менее, в развитии массового литературного движения в Горьковском крае отстает от тех требований, которые предъявляет ему партийная организация.

Повинны здесь в первую очередь Оргкомитет союза писателей и профсоюзная организация. Последние совершенно не занимались вопросами развития массового литературного движения, не оказывали практической помощи рабочим литкружкам.

Об этом лучше всего говорит заявление при культсекторе КТСП в связи с решением всесоюзного Оргкомитета ССП и ВКП(б) о передаче литкружков профсоюзам. На это совещание на профсоюзных организациях, из культсектора законов, из клубов и библиотек такого крупного города, как Горький, явилось только... 2 человека.

На межрайонном совещании партактива в ноябре 1933 г. секретарь крайкома ВКП(б) т. Прамкин сказал: «Есть у нас в партии, есть среди наших работников товарищи, которые смотрят на литературу, как на забаву, как на баловство. Почитать от нечего делать, так, дескать, десятое это дело».

Таких товарищей, очевидно, очень много среди работников профсоюз Горького. Выступавшие на совещаниях писатели, руководители литкружков тт. Бирюхов, Жиженков, Елисеев, Пилицын, Шабанов и другие рассказывали о невнимании со стороны профсоюзных к писательским организациям.

Руководитель автозаводского литкружка т. Жиженков рассказал о том, что завком совершенно не хочет заниматься кружком.

На развертывание всей массовой работы завод РТАПА отпустили кружком... 150 руб. Интересен и такой факт. Литкружковцы дали ряд своих лучших произведений в заводскую газету «Автогигант», но она их маринует.

Не лучше относится к кружкам профорганизация Швейпрома, телефонного завода им. Ленина.

Культсектор краспрофа, горсопроф не возмущаются методы и профорганизации. Краевой конкурс на лучшее литературное произведение, который объявлен рядом краевых организаций, проходил мимо профсоюз.

Первый тур конкурса закончен, а прислано всего лишь 70 произведений, причем такие организации, как сормовская, автозаводская, вятская, слободская, прислали по одному, по два произведения. Ясно, что 70 произведений для писательской организации Горьковского края — это очень маленькое количество.

Сейчас начинается второй тур литературного конкурса. Профорганизация должны способствовать тому, чтобы писательским организациям, литературным кружкам была оказана вся возможная поддержка, чтобы из среды рабочих выковыльались новые кадры молодых писателей.

АРК. ЛИТВИН.

К. Клягин

„МАМАЕВЦЫ“

«Мамаевцы» — роман о классовой борьбе в деревне первого периода нэпа. Основная тема романа — раскрепощение женщины.

После «Поднятой целины» Шолохова «Мамаевцы» кажутся неунывающим и непонятным анахронизмом. Если автор пишет о пройденном и оставшемся где-то далеко позади историческом этапе, он должен писать с точки зрения сегодняшнего дня. «Мамаевцы» же — роман по завершению.

Клягин пытался создать бытовую вещь, вещь, основанную на натуралистическом подходе к действительности. Клягин ввел в роман целый ряд фактов натуралистических деталей, которые, очевидно, должны были создать иллюзию бытового правдоподобия. На поверку все эти детали оказываются дешевым театральным реквизитом. Деревенский быт заимствован Клягиным из любочных картинок «для народа».

Пытаясь реалистически воспроизвести крестьянский язык, автор прибегает к таким словам, как «комунбет» «задеггеруемся», «грят», «скамуния». Этот псевдокрестьянский стиль явился никаким образом не в настоящему языку деревни и не очень талантливыми литераторами.

Стилистические оружие Клягина покрыто густым слоем ржавчины («затуманенный взгляд», «знойный взгляд», «мутная кровь», «манила буйной любовью», «глубокие как ночь, глаза», «собирая высокую упругую грудь, повала бедрами», «сильный запах зубов», «зачочные щечки» и т. п.).

Издательство в предисловии отпустило роман «Мамаевцы» в продажу не во всем уездных и полных(?) попыток. Непонятно, зачем эта попытка размножилась до 5000 экземпляров и стала достоянием читателя.

Т. Г. МТП, 1933, стр. 186, п. 2 р. 10 к., пер. 40 к.

Иоганнес Р. Бехер „ПОД ВЛАСТЬЮ ГИТЛЕРА“

Собранные в этой книжке отдельные рассказы Бехера рисуют эпизоды из жизни Германии накануне и после основания «третьей империи». Часть рассказов относится к тому периоду, когда разлаживались последние легальные приемы германской компартии, другие — к подпольному периоду. Сменой этапов классовой борьбы в Германии менялись методы и средства этой борьбы. Перед революционными рабочими и партийными работниками выставлялись новые, более сложные задачи. С небывалой силой обрушился кровавый фашистский террор на компартию, революционный пролетариат и передовые слои интеллигенции.

С предельной полнотой и вполне оправданной скупостью художественных средств рисует Бехер отдельные эпизоды и людей борьбы, столкновения с фашистами, вооружение рабочих, историю жизни старого члена профсоюза с 1894 г., пришедшего в Союз коммунистической молодежи, историю рабочего, перебежавшего к наци, борьбу вокруг Дома Любкехта в Берлине, «последнее собрание» компартии в Спорт-паласе под «защитой» полицейского офицера, бегство из фашистской Германии.

Все рассказы — своего рода художественные репортажные зарисовки, политически направленные.

И. Р. Бехер „ПОД ВЛАСТЬЮ ГИТЛЕРА“

1933 г.

и тем ценнее: они рисуют, что происходило на глазах автора, и быть может, с участием автора.

К сожалению, ГИХЛ недостаточно внимательно отнесся к книге: рассказы не снабжены предисловием, не прокомментированы названиями и политическими терминами. Видя ли каждому советскому читателю известно, что такой Стефан Герге, Шерд, Осинский, что такое банк Данат, организация «Защита республиканцев», союз АФА и др. Зато «разъяснено», что «скаут» — распространяемая карточная игра в Германии.

Д. А. Перевод с немецкого Б. Болеславского, ГИХЛ, 1933, стр. 64, ц. 1 р. 30 к.

ФАНТАСТИЧЕСКАЯ СТРАНА

В. КАВЕРИН

Марк Твен предположил своей знаменитой книге «Приключения Геккельборна Финна» эпиграф, в котором предпринял, что тот, кто узнает себя в героях этой книги или примет на свой счет описанные в ней деяния, будет расстрелян на месте или по меньшей мере выслан за пределы САСШ. Это шутовское предположение было вызвано тем, что «Приключения Тома Совера», вышедшие двумя-тремя годами раньше, были приняты как личное оскорбление теми, кто узнал себя в героях этой книги, и Марк Твен получил десятки писем, в которых оскорбленные деятели упрекали его за изведение высокого литературного искусства до пасквилля или памфлета.

Я не знаю, получает ли подобные письма Чаренца, но легко представить, что ироническое предисловие ко второму изданию его книги, в котором он благодарит читателей за указания и поправки, относящиеся к биографии его героев, вызвано именно этим незаконным вмешательством жизни в литературу.

Разумеется, указание на это сколько далеко не случайно. Карс Чаренца чем-то напоминает описанный Гоголем «мертвый город». Но черты различия интереснее и важнее в этом сопоставлении, чем признаки сходства. Классические герои Гоголя неподвижны в той гениальной выразительности, которая придает им при первом же их появлении. Образ каждого из них не изменяется с первой до последней страницы. «Мертвый город» мертв с начала и до конца, и это только подчеркивается той суматохой, которую вносит в него приезд Чичикова и дело о мертвых душах. Ничего похожего нет в книге Чаренца.

Но точно ли незаконно это вмешательство? Не является ли «Страна Наиря» одним из тех примечательных литературных явлений, при рассмотрении которых нет возможности провести границу между реальностью и искусством? Не является ли эта черта, столь характерная для подлинного искусства, тем признаком бесспорного социального значения этой книги, который объясняет, почему появление ее стало такой знаменательной датой для армянской литературы?

Именно эти вопросы прежде всего приходят в голову при чтении книги Чаренца.

Несколько дней назад мне пришлось присутствовать при разговоре некоторых писателей о «Стране Наиря». Оценки разошлись, но одно обстоятельство признавалось всеми единодушно: влияние на Чаренца Гоголя. Об этом же пишет в предисловии Мариэтта Шагинян «Что делал Чаренц своим романом «Страна Наиря»? — пишет она. Роман жестокий, вполне сатирический (сатира еще сильнее подчеркивается мнимым пафосом речи); является в нем обличающиеся неадекватные карикатурными типами, своего рода Собакевичами, Маниловыми и Чичиковыми бывшей Карской области».

Оценка романа Е. Чаренца уже была дана в «Л. Г.». Печатаю статью В. Каверина, мы продолжаем его обсуждение.

Влияние на него Гоголя сказалось в других чертах, поверхностных и случайных. Социальный смысл «Страны Наиря» не столько в попытке создания законченных «национально-бытовых фигур», до сих пор известных всякому читателю-армянину в быту. В неизвестности в литературе, сколько в столкновении этих типичных образов с историческими событиями, сметающими с лица земли и «мертвый город» и его обитателей. Вот почему в книге Чаренца, написанной с тем кажущимся спокойствием летописца, которое позволяет ему с равной легкостью говорить о ничтожных и об очень важных вещах, так много места уделено приходу войны и революции в «Страну Наиря».

Именно здесь следует искать узловой пункт этой сложной многоплановой книги. Социальная обреченность ее героев в первой части искусно затухающая, здесь вскрыта с полной отчетливостью. Тонкая и даже слава ли поэтичная русскому читателю ирония этой первой части, рисующей патриархально-неподвижный Карс довоенного времени, здесь достигает наибольшей зрелости и глубины. Эта ирония получает, наконец, в страницах, посвященных вторжению в «Страну Наиря» событий мировой истории, свое прямое назначение: становится ясно, что она должна служить тем «дальнейшим» цели в «Стране Наиря» романтический покров и представить ее в реальном виде.

Нет никаких сомнений в том, что эта задача вполне удавалась Чаренцу. Трудно представить себе более жестоко разоблачение подлинного социального смысла своих героев, чем то, которое сделал он в «Стране Наиря». Мазут-Амо, вождем местных дашнаков, Варолян, учитель приходской школы, и врач Сергей Каспарыч написаны с хладнокровием и беспощадностью настоящего сатирика. Талант Чаренца сказался именно в том, что ироническая позиция автора сначала кажется весьма обидливой, но, уже окончив книгу и перелистывая ее

второй раз, находишь очень тонко отделанные переходы, ведущие читателя от этого добродушия к истинной оценке людей и к истинному политическому смыслу их отношений.

Естественно было бы ожидать, что при том жанре, который избрал в своей книге Чаренц, позиция автора-летописца заслонит от читателя реальные очертания героев. Но именно потому что Чаренц опирался не столько на индивидуальные черты, сколько на типовые черты, по-настоящему, что он индеев его книги ничего не утратил. Образы их медленно входят в сознание, запоминаясь надолго.

Итак, роман Чаренца реален. Но он не только реален и не только роман. «Страна Наиря» при всей своей иронии — книга лирическая, и это следует отметить как одно из безусловных ее достоинств. Самая тема ее — воображаемая, пока еще фантастическая страна — дана одновременно в двух преобладающих. И если одно из них, «Страна Наиря», дано в тонкой беспощадной иронии, другое преобладающее этой темы дано Чаренцом с той глубокой лиричностью, которая напоминает читателю, что книга написана талантливым армянским поэтом.

Уже в предисловии, которое читается как стихотворение в прозе, видны характерные черты этого преобладающего темы «Страны Наиря». «Дорогой читатель, хочу я, чтобы ты... именно ты нашел Наиря. В этом моем романе, подобном поэме, пройдет перед тобой множество наиря: любви, кого хочешь. Найди в сердце или в душе кого хочешь страну Наиря. Но буде не найдешь, прости, дорогой, виноват не я... Прости, и правда, что Наиря — миф, фикция, миф, сердечная болезн. Но зато на месте Наиря те-

перь страна, которая называется Арменией... Не страна Наиря, а лишь люди, которые живут сегодня в той части света, что называется Арменией, а ныне стала социалистической советской республикой, но до 17-го года была не чем иным, как отсталой окраиной русской империи».

В незаметных переходах от одного к другой трактовке этой темы сказалось с особенной ясностью дарование Чаренца. Очень постепенно, с неторопливостью летописца он открывает перед читателем подлинный смысл дашнакской «болезни сердца». И лишь в последствии, замыкая книгу и переключаясь с первым ее страницами, даны окончательные итоги: «Пусть мне простят врачи, если они найдут, что нельзя удалять из человеческого мозга мозговой бред и болезн сердца при помощи кашей и ланцетов. Мы не врачи, читатель, и к сожалению, нет в живых ни раз упомянувшегося в нашем романе «доктора Аршака», чтобы обратиться к нему за советом. Но каково бы ни было мнение «доктора Аршака», оно для нас ясно: с давних пор история, этот более гениальный врач, чем «доктор Аршак», в практике применяет указанное выше средство, и, как нам кажется, эти опыты истории прошли не даром. Правда, крови пошло много, однако, оставшиеся в живых, свободные от мозгового бреда и сердечной болезн, сегодня приступили к строительству своей страны».

